

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-3-150-159

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА И ЛЕГАЛИЗМА В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Рыбин Д. В.

*Санкт-Петербургский институт Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста), филиал, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

e-mail: danilarybin@rambler.ru

Поступила в редакцию 28.02.2026

После доработки 22.03.2026

Принята к публикации 02.04.2026

Аннотация

Цель. Раскрыть основные направления современной зарубежной историографии по проблемам российского консервативного либерализма.

Процедура и методы. Исследование проводилось по материалам зарубежных исторических исследований, вышедших в 1990–2020-е гг., с применением проблемно-хронологического метода исследования.

Результаты. В работе рассматриваются представления современных зарубежных историков и философов об истории и природе консервативного либерализма в поздней Российской империи. Отмечается относительная стагнация зарубежных исследований истории либерализма, за исключением биографики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование вносит вклад в изучение деятельности право-либеральных политических групп России конца XIX – начала XX вв. Статья может быть полезна специалистам по истории российского либерализма.

Ключевые слова: консервативный либерализм, легализм, А. Ф. Кони, М. М. Ковалевский, прогрессисты, кадеты, октябристы

Для цитирования:

Рыбин Д. В. Современные зарубежные исследования консервативного либерализма и легализма в императорской России // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. No 3. С. 150–159. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2026-3-150-159>

Original research article

CONTEMPORARY FOREIGN STUDIES OF CONSERVATIVE LIBERALISM AND LEGALISM IN IMPERIAL RUSSIA

D. Rybin

St. Petersburg Institute of the All-Russian State University of Justice, Branch, St. Petersburg, Russian Federation

e-mail: danilarybin@rambler.ru

Received by the editorial office 28.02.2026

Revised by the author 22.03.2026

Accepted for publication 02.04.2026

Abstract

Aim. In our study, we explore the main trends in contemporary foreign historiography on Russian conservative liberalism.

Methodology. The study was conducted using foreign historical studies published in the 1990s–2020s, using a problem-chronological research method.

Results. The paper examines the views of contemporary foreign historians and philosophers on the history and nature of conservative liberalism in the late Russian Empire. A relative stagnation in foreign research on the history of liberalism, with the exception of biographical studies, is noted.

Research implications. This study contributes to the study of the activities of right-wing liberal political groups in Russia in the late 19th and early 20th centuries. The article may be useful to specialists in the history of Russian liberalism.

Keywords: conservative liberalism, legalism, A. F. Koni, M. M. Kovalevsky, progressives, Cadets, Octobrists

For citation:

Rybin, D. V. (2026). Contemporary foreign studies of conservative liberalism and legalism in imperial Russia. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 150–159. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2026-3-150-159>.

Введение

К концу XX в. зарубежные исследователи накопили определённый объём публикаций о консервативном либерализме и легализме¹. Научная обществен-

ность закономерно могла бы ожидать, что западные исследования должны были перейти в новое качественное состояние с учётом открытия архивов и массовой публикации российских исследований в названной сфере. В данной работе поставимся выяснить, удалось ли совершить этот переход.

Во время расцвета зарубежного либераловедения в 1980-х гг. учёные обнаружили другие либеральные партии, кроме кадетов, и приступили к разработке консервативно-либеральной идеологии.

¹ В данной работе под «легализмом» понимается самостоятельное общественно-политическое движение, которое существовало в период второй половины XIX – начала XX вв. в России. Его представителями преимущественно были юристы (судьи, прокуроры, адвокаты, вузовская профессура и др.), сами они себя называли «люди правового порядка». Легалисты стремились мирным путём, постепенно через сотрудничество с властью изменить общественно-политическую систему страны: закрепить права и свободы, ограничить власть монарха и др., тем самым предотвратить революцию. Видными

легалистами были Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский, А. Д. Градовский, А. Ф. Кони и др.

В своих трудах Валицкий, Ч. М. Гамбург и Э. Вишневы вплотную подошли к пониманию сущности легализма. В существующих дискурсах (на тот момент), несмотря на попытки научного анализа, партийная предвзятость и нехватка архивных источников мешали установлению точной картины политического процесса в либеральных группах.

Рост исследований был прерван в 1990-е гг. По данным В. М. Шевырина, в американской историографии из-за резкого сокращения финансирования произошёл упадок в изучении российской либералистики. Сократилось количество учёных, а соответственно, и их исследований [1, с. 54]. Тем не менее, изучение общественных движений продолжалось. Учёные, специализирующиеся по русистике, продолжали выявлять особенности имперского периода. В ряде работ российские учёные приводили краткие историографические справки по исследованиям. Современный анализ англоязычной историографии либерализма в России был проведён в серии серьёзных исследований Н. В. Макарова [2; 3; 4; 5] и других [6].

Обращает на себя внимание, что Н. В. Макаров и В. Рэмpton постарались определить основные направления исследований либерализма. Эти направления носят условный характер.

Раскрывая современную историографию (очень неполную) либерализма, исследовательница В. Рэмpton выделила в современной зарубежной историографии: биографии и либеральные издания (Ч. М. Гамбург, Д. Оффорд, М. К. Стокдейл, Д. Бальмут и др.), философию права и либерализм (Ф. Незеркотт, В. Шлутер), проблемы применения свобод поданных (П. Верт) и пр. Российских и зарубежных авторов она не разделяла. Рэмpton сожалела, что в англоязычной историографии до сих пор отсутствуют биографии ведущих идеологов либерализма – учёных-юристов: М. М. Ковалевского и П. И. Новгородцева. На самом

деле такие биографии уже были написаны [7, с. 47–49; 10].

Зарождение консервативного либерализма в трудах современных англоязычных исследователей

Продолжается затухающая инерция изучения влияния Б. Н. Чичерина на становление российского либерализма.

В 1992 г. Ч. М. Гамбург выпустил объёмный труд по раннему русскому либерализму и роли Б. Чичерина в его формировании. Ч. Гамбург отмечал, что либерализм окончательно сформировался в 1850-е гг. Он также одним из первых зарубежных исследователей заметил, что либерализм Б. Чичерина носил юридический (конституционный) оттенок – прообраз будущего легализма [8]. В 2024 г. Ч. Гамбург опубликовал исследование по переписке либералов и консерваторов в конце XIX в. [9]. Спор между профессорами Б. Чичериным и Н. К. Ренненкампом принципиально важен для понимания разделения консервативных либералов и консерваторов накануне первой революции. Из переписки Б. Чичерина с Д. А. Милютиным можно увидеть размежевание между консервативными либералами и либеральными консерваторами.

Стоит подробно остановиться на работе В. Рэмpton. Исследовательница сосредоточилась на появлении и развитии либеральных идей. В целом, она повторяет известные максимы о Б. Чичерине: его консервативном либерализме, универсализме, догматизме и пр. Опираясь на ложные постулаты своего научного руководителя (Дж. Келли, исследовательницы XX в.) она утверждает, что Чичерин «не проводил разницу между правовым государством и царским режимом» [7]. Такое мнение неверно. С точки зрения Б. Чичерина, такое противопоставление не имело бы смысла. Царский режим не был правовым государством, но он должен был им стать (неизбежно!). Метафизическое предопределение И. Канта сливалось здесь с диалектикой Гегеля.

Так и мыслил Чичерин. Такое слияние В. Рэмптон увидела и описала, но «восхождение духа» к правовой конституционной монархии (по Гегелю–Чичерину) она не заметила. Рэмптон удачно отметила зарождение русского христианского либерализма, выросшего в начале XX в. из учения В. С. Соловьёва, этой поздней формы консервативного либерализма, по нашему мнению. Назвав его почему-то неоидализмом [7].

Также продолжают исследования земского либерализма, разновидности консервативного либерализма. Количество работ уменьшается [11], и подробно мы их здесь не рассматриваем. Например, о работе Земского союза праволиберальной организации в годы в Первой мировой войны подробно рассказывают Т. Портер и В. Глисон [12]. Стоит признать, что большинство зарубежных исследователей оставались «в тени» у своих российских коллег и часто изучали те же проблемы, что и они.

Российский либерализм и легализм в начале XX в.

Можно выделить ряд исследователей, которые активно писали и защищали работы общего характера по либерализму в России в 1990-е гг. Так, Чо Хо Ён подготовил описательную работу по либеральному движению в России¹. В работе Ким Сын Рэ были проанализированы конституционные основы российского либерализма. В описательной работе не нашлось места консервативным либералам [13].

Польский учёный Э. Вишневски, защитивший в конце XX в. диссертации по прогрессизму Российской империи, продолжил свои исследования. Он выпустил несколько работ по истории прогрессивного блока. В частности, в работах 2000 и 2006 г. Вишневски описал рост политической активности крупных предприни-

мателей в направлении трансформации имперской власти. В этом он следовал за В. Я. Лаверычевым, повышая значение московской буржуазии в политической борьбе в 1912–1917 гг. с использованием прогрессистов и прогрессивного блока. Чрезмерные обобщения Вишневски встретили возражения со стороны российских историков, которые критиковали его за преувеличение роли московских фабрикантов как в либеральном, так и в предпринимательском движении [14; 15]. Действительно, применительно к первой революции «новые» предприниматели только искали политических союзников и нащупывали пути для сотрудничества с либералами. Правда, позже роль этих деятелей в либеральном движении непрерывно росла до 1917 г.

Вообще, несколько американских учёных (вслед за Вишневски?) активно изучали роль буржуазии в русских революциях и через это выходили на центристские партии России (Т. Эммонс, А. Рибер, Дж. Уэст, Т. Оуэн) [16, с. 23–25]. Их позиции подробно разобрали исследователи Н. Б. Хайлова и Н. В. Макаров. Изучая крупный бизнес в политике, учёные неизбежно пришли к теме бурной политической активности партии прогресса в годы Первой мировой войны (Л. Хеймсон, Дж. Уэст) [17; 18].

В целом авторы, следуя за советскими и российскими исследователями, не обсуждая сущности консервативного либерализма, а только рассказывая о политических практиках праволиберальных партий. Также они, следуя за российскими учёными, вновь обсуждают вопрос об отнесении октябристов к либералам и консерваторам. Запутанность программы и наличие либеральных деклараций дезориентировало англо-американских учёных, которые относили Союз 17 октября к тому или иному политическому спектру (Д. Тредголд, М. Брэйнерд, Э. Хили, П. Уолдрон, Р. Маннинг, А. Эшер) [19]. На наш взгляд, проблема разрешается просто – надо выяснить, какие политические

¹ Чо Хо Ён. Оформление либерального движения в России: (1890 – июль 1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1996. 20 с.

практики применяли октябристы? А эта партия постоянно поддерживала консервативную политику правительства с элементами либеральных мер. Иначе говоря, зачастую практики октябристов расходились с их программой, и эти «либералы» занимались демагогией. Современники (за редким исключением) никогда не считали октябристов либералами.

На праволиберальные группы и поддерживающих их капиталистов обратил внимание Р. Пайпс. В последней редакции своей работы о П. Б. Струве он, в отличие от своих коллег, прочитав старую русскую периодику, выяснил, что октябристы относятся к консерваторам, а их приверженность «правовому государству» являлась демагогией. Мы можем только согласиться с его высказыванием: «...консервативным октябристам, организации, на словах преданной законности и порядку, но на деле поддерживающей стремление правительства обеспечить порядок за счёт законности» [20]. Р. Пайпс заметил и тщательно проанализировал сходство взглядов П. Струве и мирнообновленцев (легалистов): политик надолго оказался связан с легалистами – братьями Трубецкими и с В. А. Маклаковым. По его мнению, сочетание консерватизма и либерализма идеально подходило для прогрессивных предпринимательских групп империи. Р. Пайпс заметил, что исследователи не увидели крен «общественности» от кадетов к «консервативной трактовке либеральной идеи», т. е. к прогрессистам в 1910-е гг. Также он заметил, что П. Струве, тесно «связавшийся» с бизнесом, превратился в либерал-националиста, шовиниста. Учёный подчёркивал, что вихрь событий 1917 г. способствовал поправлению правых либералов. Подавленные разгулом стихии они ухватились за свою консервативную часть. В числе прочего Р. Пайпс изучил судьбу нескольких легалистских газет, возникающих и исчезающих после первой революции.

Можно констатировать, что ум американского учёного вновь далеко устремился за пределы заявленной им темы (биографии Струве), опередил других исследователей и совершил ряд важных научных открытий, которые мы использовали в своих дальнейших исследованиях.

Изучение либеральной прессы является популярным направлением исследований. Например, учёный Д. Бальмут посвятил легалистским «Русским ведомостям» целую монографию [21]. На настоящий момент это самое обстоятельное исследование истории «профессорской газеты». Д. Бальмут обратил внимание, что газета была наполнена идеями социального либерализма (в стиле М. М. Ковалевского), отрицанием капитализма, высокими этическими стандартами. Этим она явно выделялась как легалистское издание, которые отличались постоянными нравственными рассуждениями. Противоречие между идеями либерализма и эгалитаризма вели, по мнению Д. Бальмута, к противоречивости концепции газеты (которую автор упорно искал и, как ему кажется, нашёл – мы же уверены, что концепции не было) и, как следствие, к популизму и демагогии. В контексте русской прессы времён первой российской революции учёный вновь воспроизводит устаревший нарратив В. А. Маклакова об упущенных возможностях при формировании либерального правительства С. Ю. Витте. Автор намекает, что одной из причин отказа являлся «аморализм» власти, которая не упорствовала в реализации высоких этических стандартов легалистов. Также он замечает, что в конце революции антикапитализм издания куда-то пропадает, и рыночная экономика становится «полезной». Такой странный разворот в позиции газеты по времени совпадает с началом большого финансирования издания со стороны московского олигарха П. Рябушинского. Автор считает, что изданию следовало сблизиться с правительством, а не превращаться в революционный

рупор кадетской партии. На наш взгляд, революционизирования газеты не произошло, как не было и её кадетизации. Возможно, автор спутал активное взаимодействие прогрессистов с кадетами во время политических кампаний.

Жанр биографий российских либеральных деятелей по-прежнему остаётся очень популярным. Авторы начинают обращаться к новым темам. Так, С. А. Уильямс рассматривает критику кадетской партии с позиции правого либерализма и легализма от В. А. Маклакова («либерала-государственника») [22]. Повторяя известные тезисы о «правизне» Маклакова и противостоянии его большинству ЦК партии кадетов, С. Уильямс показывает депутата-адвоката как легалиста. При рассмотрении любого вопроса в кадетской партии В. Маклаков подчинял его принципам правопорядка. Любое действие партии должно было быть правомерным. Так, юрист выступал «правовой совестью» партии. Р. А. Пул рассматривает поиск русской «идентичности» Е. Н. Трубецким в 1910-е гг. Поиск, который привёл его и других легалистов к христианскому либерализму (сам термин В. Пул не применяет) [23] – финальной стадии развития русского консервативного либерализма. При этом Пул ставит вопрос о противоречивости мировоззрения Е. Трубецкого (и христианского либерализма), когда война обосновывалась религиозными мотивами, свобода национальностей обуславливалась сильным государством и пр.

**М. М. Ковалевский и А. Ф. Кони
в трудах европейских
и американских учёных**

В настоящее время современной и подробной биографией М. М. Ковалевского является исследование Д. Чильяно, вышедшее в 2002 г. [24]. Образ учёного, рисуемого итальянской исследовательницей, представляет нам классического легалиста. Её она именует «либеральным позитивистом», «правовым эволюциони-

стом», «новым либералом». Автор замечает его элитарный подход к либерализму. Как классический консервативный либерал М. Ковалевский желал мирной эволюции власти путём реформ сверху, но под давлением со стороны общества и без кровопролития.

Не со всеми точками зрения автора можно согласиться. Так, она считала, что учёный, «будучи украинцем по происхождению», выступал за культурную автономию народов. Действительно он выступал за культурную автономию (не украинцев), но с позиций либерала, а не украинца. Ковалевский себя с украинством не идентифицировал. Называя М. Ковалевского «либеральным империалистом», автор, на наш взгляд, немного неверно отражает позицию политика по отношению к государству. Ковалевский, конечно, стремился сохранить Российское государство. Но это, на наш взгляд, не империализм. Империалистами можно назвать П. Струве или П. Н. Милюкова, которые исповедовали идеи агрессивной войны для удовлетворения потребностей русского капитала. На самом деле М. Ковалевский был пацифистом и притом очень активным, не случайно он в 1912 г. номинировался на Нобелевскую премию мира. В другой части работы автор разбирает пацифизм харьковского учёного, не видя противоречия в своих утверждениях. Непонятно, откуда Д. Чильяно взяла, что М. Ковалевский отошёл от политической деятельности 1907 г. Архивные и газетные материалы этот тезис помогают легко опровергнуть [24, р. 18, 435, 480, 481]. Кроме того, в другом месте она сообщает, что политическая деятельность М. Ковалевского продолжилась...

В отличие от других исследователей Д. Чильяно считает, что М. Ковалевский был активным участником прогрессивной партии в 1912–1916 гг. и даже её идеологом! Вообще исследовательница создаёт самую обширную панораму политической активности русского обще-

ственного деятеля в сравнении с другими исследователями. Можно отметить много достоинств работы учёного. Так, например, она проследила эволюцию отношения М. Ковалевского к С. Витте – от критики к глубокому уважению; нашла полицейские материалы по созданию «либеральных партий» в 1880-е гг.; проанализировала солидаризм учёного и т. д. Д. Чильяно вписывает учёного и его идеи в контекст эпохи, детально, ежемесячно анализирует действия М. Ковалевского. Автор неоднократно сообщает, что Ковалевский относил себя и единомышленников к «людям правового порядка» (легалистам). Исследовательница подробно описала размежевание либеральных групп в 1906–1907 гг.

Д. Чильяно выделяет идею элитарной демократии для людей, готовых к выборам и свободам [24, р. 153–160]. Обсуждая с другими легалистами тему выборов, Ковалевский и его друзья приходили к выводу о необходимости многочисленных ограничений и ступеней для неграмотного населения России. Чильяно подробно разбирает пацифизм М. Ковалевского, противостоящий шовинизму П. Струве накануне мировой войны [24, р. 474].

М. М. Ковалевский (по Д. Чильяно), относил «сторонников правового порядка к правому крылу демократического лагеря». Другими чертами правопорядковцев он считал государственный централизм и этатизм, при этом перспективы правых либералов оценивал скептически, одновременно заявляя, что это самое полезное для России движение. Итальянка одна из первых исследовательниц показала, что идеи правового порядка лежали в основе программных идей партий ПМО и ПДР, а сами партии имели сильную легалистскую направленность. Кроме того, она выделила основные проблемы, волнующие легалистов в начале XX в.: вопрос о насилии, судебная реформа, территориальное устройство, права поданных и пр. [24, р. 260, 404, 405].

В представлении Д. Чильяно Ковалевский был исповедником разума и считал, что таковой управляет миром. Однако регулярно сталкиваясь с иррациональным поведением людей, в т. ч. представителей власти, он всякий раз терпел «интеллектуальное поражение», т. к. оказывалось, что сохранение личной власти и привилегий, сохранение собственного «брюха» оказывалось для людей приоритетным. Можно было бы ожидать глубокий пессимизм М. Ковалевского, коррелирующий с пессимизмом Б. Н. Чичерина. Ожидание краха общества, государства и личности. Однако в 1916 г. учёный преисполнен надежд на победу в войне и демократическую трансформацию (тут же Д. Чильяно приводит противоположные высказывания учёного). Можно было бы сказать, что он «умирал в счастливом неведении относительно ближайших перспектив своей родины» [24, р. 480–492], но итальянский учёный не даёт нам чёткого ответа по ожиданиям М. Ковалевского.

2000-е гг. прошли под знаменем увлечения М. М. Ковалевским: в Луизиане защищается диссертация Е. Бадрединова по Ковалевскому¹, в Польше выходит биография М. Ковалевского, выполненная исследователем С. Горка [25], гендерная тема в связи с Ковалевским интересует шведа П. Виссельгрена [26].

Предметом интереса является личность и другого крупного легалиста – А. Ф. Кони: с 1950-х гг. публикуются работы американских и немецких исследователей, в т. ч. диссертации и монографии Я. Арнольд (Мичиган)², М. Помар (Пенсильвания), Р. Спалингер-Бичел (Цюрих) и К. Кордин (Базель) [27; 28; 29].

¹ Badredinov E. Problems of modernization in late imperial Russia: Maksim M. Kovalevskii on social and economic reform: Doctoral Diss. College. Louisiana, 2005. 180 p.

² Arnold Ya. V. Writing Justice: Fiction and Literary Lawyers in Late Imperial Russia, 1864–1900. Doctoral Diss. Ann Arbor, 2014. 320 p.

Заключение

Следуя за российскими учёными, англо-американские исследователи зачастую сосредоточились на изучении кадетской и октябристской партий. Консервативный либерализм по-прежнему остаётся на периферии их внимания. Европейцы, напротив, изучали консервативных либералов с большим интересом, но главным объектом исследования они выбрали судьбы видных легалистов. Современная биографика, выполненная немецкими, английскими и итальянскими учёными, находится на уровне современных научных знаний, а в чём-то их опережает и является передовой.

Никто из учёных специальную легалистскую природу праволиберальных

изданий не выделяет, юридическую природу консервативно-либерального движения не подчёркивает, за редким исключением. Это означает, что западная наука не смогла сделать шаг вперёд и развить идеи учёных 1980-х гг. о легалистской сущности правого либерализма (идеи А. Валицкого и др.). Несмотря на очевидные научные достижения (Ч. М. Гамбург, Р. Пайпс, Д. Чильяно, Э. Вишневски и пр.), шаг к признанию юридического общественного движения сделан не был. Разрабатываются старые нарративы. Если не считать прекрасные биографические исследования, западная наука в части изучения консервативного либерализма и легализма остаётся вторичной по отношению к российской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевырин В. М. Революция 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии // Россия и мир. 2007. № 1. С. 53–77.
2. Макаров Н. В. Дмитрий Николаевич Шипов: взгляды англоязычных историков // Вестник МГУУ. 2014. № 1. С. 19–27.
3. Макаров Н. В. Современные англоязычные исследования по истории русского либерализма конца XIX – начала XX столетий // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 102–123.
4. Макаров Н. В. Проблемы истории русского либерализма в 1907–1914 гг. в трудах современных англо-американских исследователей // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 134–140. DOI: 10.17223/15617793/393/20
5. Макаров Н. В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 392 с.
6. Рыбин Д. В. Консервативно-либеральная терминология и легализм в трудах российских и зарубежных исследователей во второй половине XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2025. № 5. С. 48–69. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-48-69
7. Рэмpton В. Либеральные идеи в царской России. СПб.: Библиороссика, 2024. 312 с.
8. Hamburg G. M. Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. 1828–1866. Stanford, 1992. 443 p.
9. Hamburg G. M. Freedom and Unfreedom in the Russian Empire in the Debate between Chicherin and Rennekampf at the End of the Nineteenth Century // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69, Вып. 2. С. 291–306.
10. Offord D. Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. New York, 1999. 144 p.
11. Poole R. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Winter. 2015. Vol. 16. P. 157–181. DOI: 10.1353/kri.2015.0003
12. Porter T., Gleason W. The Democratization of the Zemstvo During the First World War // Emerging Democracy in Late Imperial Russia. Niwot, 1998. P. 228–242.
13. Ким Сын Рэ. Конституционные идеи российского либерализма: (История и современность). М.: Изд-во МГУП, 1999. 132 с.
14. Вишневски Э. Прогрессивный блок // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 1999. № 1. С. 89–116.
15. Вишневски Э. Капитал и власть в России: политическая деятельность прогрессивных предпринимателей в начале XX века. М.: Изд-во Московского университета, 2006. 320 с.

16. Хайлова Н. Б. Центризм в российском либерализме начала XX века. М.: ИРИ РАН, 2022. 640 с.
17. Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 17–33.
18. Haimson L. The political evolution of Moscow's *kupechestvo* in early twentieth-century Russia: Observations and reflections // *Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber*. Budapest, 2003. P. 229–231.
19. Макаров Н. В. Образование и первые политические шаги "Союза 17 октября" в освещении англо-американской историографии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4-3. С. 36–41.
20. Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 130 с.
21. Balmuth D. «The Russian Bulletin», 1863–1917: A liberal voice in Tsarist Russia. New York, 2000. 462 p.
22. Williams S. A Kadet's critique of the Kadet party: Vasilii Maklakov // *Revolutionary Russia*. 2010. Vol. 23. № 1. P. 29–65. DOI: 10.1080/09546545.2010.483800
23. Poole R. A. Religion, war and revolution: E. N. Trubetskoi's liberal construction of Russian national identity, 1912–1920 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2006. Vol. 7. № 2. P. 195–240. DOI: 10.1353/kri.2006.0024
24. Cigliano G. Liberalismo e rivoluzione in Russia: il 1905 nell'esperienza di M. M. Kovalevskij. Napoli: Liguori, 2002. 501 p.
25. Górka S. Wolność, równość, solidarność: Myśl społeczno-polityczna Maksyma Kowalewskiego. Kraków: Wydaw. Uniw. Jagiellońskiego, 2006. 244 p.
26. Wisselgren P. «Ett talrikt (företädesvis kvinnligt) auditorium»: Maxim Kovalevsky och samhällsveten-skapens publikar // *Den mediala vetenskapen*. Nora (Sverige). 2004. P. 253–272.
27. Cordin C. Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion. Köln, Böhlau Verlag, 2019. 447 p.
28. Spalinger-Bichsel R. A. F. Koni und die russische Gerichtsrhetorik. Lizentiatsarbeit. Zürich, 1993. 235 p.
29. Pomar M. G. Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralist. Pittsburgh: The Carl Beck Papers, 1996. 45 p.

REFERENCE

1. Shevyrin, V. M. (2007). The 1917 Revolution: A Rethinking in Foreign Historiography. In: *Russia and the World*, 1, 53–77 (in Russ.).
2. Makarov, N. V. (2014). Dmitry Nikolaevich Shipov: Views of English-Speaking Historians. In: *Vestnik of MSUMU*, 1, 19–27 (in Russ.).
3. Makarov, N. V. (2015). Modern English-Language Research on the History of Russian Liberalism in the Late 19th – Early 20th Centuries. In: *Vestnik of Tver State University, Series: History*, 2, 102–123 (in Russ.).
4. Makarov, N. V. (2015). Problems of the History of Russian Liberalism in 1907–1914 in the Works of Modern Anglo-American Researchers. In: *Vestnik of Tomsk State University*, 393, 134–140 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/393/20
5. Makarov, N. V. (2015). *Russian liberalism of the late 19th – early 20th centuries in the mirror of Anglo-American historiography*. Moscow: Monuments of Historical Thought Publ. (in Russ.).
6. Rybin, D. V. (2025). Conservative-liberal terminology and legalism in the works of Russian and foreign researchers in the second half of the 19th – 20th centuries. In: *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations*, 5, 48–69. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-48-69 (in Russ.).
7. Rampton, W. (2024) *Liberal ideas in tsarist Russia*. St. Petersburg: Bibliorossika.
8. Hamburg, G. M. (1992) *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism. 1828–1866*. Stanford.
9. Hamburg, G. M. (2024) Freedom and Unfreedom in the Russian Empire in the Debate between Chicherin and *Rennenkampf* at the End of the Nineteenth Century. In: *Bulletin of the Saint Petersburg University. History*. 69, 2, 291–306.
10. Offord, D. (1999) *Nineteenth Century Russia. Opposition to Autocracy*. New York.

11. Poole, R. (2015) Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities. In: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Winter. 16 (1), 157–181. DOI: 10.1353/kri.2015.0003
12. Porter, T. & Gleason, W. (1998). The Democratization of the Zemstvo During the First World War. In: *Emerging Democracy in Late Imperial Russia*. Niwot, 228–242.
13. Kim Seung Rae. (1999). *Constitutional Ideas of Russian Liberalism: (History and Modernity)*. Moscow: Moscow State University of Printing Arts Publ. (in Russ.).
14. Vishnevsky, E. (1999). The Progressive Bloc. In: *History of Russia. Series of Analytical Reviews and Collections*, 1, 89–116 (in Russ.).
15. Vishnevsky, E. (2000). *Capital and Power in Russia: Political Activity of Progressive Entrepreneurs at the Beginning of the Twentieth Century*. Moscow: Stary Sad Publ. (in Russ.).
16. Wisniewski, E. (2006). *Capital and Power in Russia: Political Activity of Progressive Entrepreneurs at the Beginning of the Twentieth Century*. Moscow: Moscow University Press (in Russ.).
17. Khailova, N.B. (2022). *Centrism in Russian Liberalism at the Beginning of the Twentieth Century*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (in Russ.).
18. Haimson, L. (1999). The Development of the Political and Social Crisis in Russia from the Eve of World War I to the February Revolution. In: *Russia and the First World War (Proceedings of the International Scientific Colloquium)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 17–33 (in Russ.).
19. Haimson, L. (2003). The political evolution of Moscow's kupechestvo in early twentieth-century Russia: Observations and reflections. In: *Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber*. Budapest, 229–231.
20. Makarov, N. V. (2013). The Formation and First Political Steps of the Union for October 17th” as Viewed by Anglo-American Historiography. In: *Bulletin of Cherepovets State University*. 4-3 (53), 36–41 (in Russ.).
21. Pipes, R. (2001). *Struve: A Right-Wing Liberal. 1905–1944. Vol. 2*. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ. (in Russ.).
22. Balmuth, D. (2000). «*The Russian Bulletin*», 1863–1917: A liberal voice in Tsarist Russia. New York.
23. Williams, S. A. (2010). Kadet's critique of the Kadet party: Vasilii Maklakov. In: *Revolutionary Russia*. 23, 1, 29–65.
24. Poole, R.A. (2006). Religion, war and revolution: E.N.Trubetskoi's liberal construction of Russian national identity, 1912–20. In: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 7, 2, 195–240.
25. Cigliano, G. (2002). *Liberalismo e rivoluzione in Russia: il 1905 nell'esperienza di M. M. Kovalevskij*. Napoli: Liguori.
26. Górka, S. (2006). *Wolność, równość, solidarność: Myśl społeczno-polityczna Maksyma Kowalewskiego*. Kraków: Wydaw. Uniw. Jagiellońskiego.
27. Wisselgren, P. (2004). «Ett talrikt (företträdesvis kvinnligt) auditorium»: Maxim Kovalevsky och samhällsveten-skapens publik. In: *Den mediala vetenskapen*. Nora (Sverige), 253–272.
28. Cordin, C. (2019). *Anatolij F. Koni (1844–1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion*. Köln, Böhlau Verlag.
29. Spalinger-Bichsel, R. (1993). *A. F. Koni und die russische Gerichtsrhetorik. Lizenti-atsarbeit*. Zürich.
30. Pomar, M.G. (1996). *Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralist*. Pittsburgh: The Carl Beck Papers.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбин Данил Вячеславович (г. Санкт-Петербург) – кандидат исторических наук, доцент, директор Санкт-Петербургского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста);

e-mail: danilarybin@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-4851-2235

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Danil V. Rybin (St. Petersburg) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Director, St. Petersburg Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice);

e-mail: danilarybin@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-4851-2235